

- Francfort H.-P.** De l'art des steppes au sud du Taklamakan // *Bul. of the Asia Institute*. – 2001. – N 11. – P. 45 – 58.
- Guillaume O., Rougeulle A.** Fouille d'Aï Khanoum VII. Les petits objets. Dessins de A. Rougeulle et G. Samoun. – P.: De Boccard, 1987. – 74 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 31).
- He Dexiu.** A Brief Report on the Mummies from the Zaghunluk Site in Chärchän County // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia* / Ed. V. Mair. – Philadelphia: The Institute for the Study of Man; The University of Pennsylvania Museum Publications, 1998. – P. 169 – 174.
- Jettmar K.** The Art of the Northern Nomads in the Upper Indus Valley // *South Asian Studies*. – 1991. – N 7. – P. 1 – 20.
- Jettmar K., Thewalt V.** Between Gandhara and the Silk Roads. Rock-Carvings along the Karakorum Highway. – Mainz: Philipp von Zabern, 1987. – 36 S.
- Kamberi D.** The Three Thousand Year Old Chärchän Man Preserved at Zaghunluk // *Sino-Platonic Papers*. – 1994. – N 44. – P. 1 – 15.
- Keyom H.** Report on the excavations of five graves at Zaghunluk, Jumo County // *China Archaeology and Art Digest*. – 2000. – Vol. 3(4). – P. 415 – 417.
- Kilunovskaya M.E., Krasnienko S.V., Semenov V.A., Subbotin A.V.** Investigation of rock art in the North-West of the Minusinsk basin in 1999 // *SAPAR Bul.* – 2000. – N 3. – P. 22 – 24.
- Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R.** A rhyton from Takhti Sangin // *Ancient Civilizations*. – 1994. – Vol. 1(3). – P. 355 – 364.
- Litvinskiy B.A., Pichikyan I.R.** Gold Plaques from the Oxus Temple (Northern Dactria) // *Ancient Civilizations*. – 1995. – Vol. 2(2). – P. 196 – 200.
- Marazov I.** The “coiled carnivore”: visual etymology of the subject // *International Prehistoric Art Conference* 3 – 8 August 1998) / Ed. Ja.A. Sher. – Kemerovo: SAPAR, 2000. – Vol. 2. – P. 150 – 160.
- Mar'jashev A.N., Gor'jachev A.A., Potapov S.A.** Kazakhstan I: choix de pétroglyphes du Semirech'e (Felsbilder im Siebenstromland) (Répertoire des Pétroglyphes d'Asie centrale, fascicule 5). – P.: De Boccard, 1998. – 51 p. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale; Vol. 5(5)).
- Parzinger H.** Bemerkungen zu einigen Tierstilbronzen zwischen Karakorum und Pamir // *Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag* / Red. R.M. Boehmer und J. Maran. – Rahden: Verlag Marie Leidorf, 2001. – S. 321 – 326.
- Pichikyan I.R.** Oxos-Schatz und Oxos-Tempel. Achämenidische Kunst in Mittelasiien. – Berlin: Akademie Verlag, 1992. – 155 S.
- Pichikyan I.R.** Rebirth of the Oxus treasure: second part of the Oxus treasure from the Miho Museum collection // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. – 1997. – Vol. 4(4). – P. 307 – 383.
- Polos'mak N.V.** Investigations of a Pazyryk Barrow at Kuturguntas // *Ancient Civilizations*. – 1995. – Vol. 2(1). – P. 92 – 111.
- Sarianidi V.I.** Myths of Ancient Bactria and Margiana on its Seals and Amulets. – Moscow: Pentagraphic Ltd., 1998. – 335 p.
- Sher Ja.A.** Commentaire // *Répertoire des pétroglyphes d'Asie centrale*. – P.: De Boccard, 1995. – Fascicule 2: Sibérie du Sud 2: Tepsej I – III, Ust'-Tuba I – IV (Rus sie, Khakassie). – P. I – XX. – (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale / Dir. H.-P. Francfort et Ja.A. Sher; Vol. 5(2)).
- The Altai Culture:** Catalogue. – Seoul: N.p., 1995. – 191 p.

Материал поступил в редколлегию 29.03.02 г.

УДК 902.2

В.Д. Кубарев¹, Д. Баяр²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: vd@online.nsk.su*²*Институт истории АН Монголии
Жуковын гудамж, 77, Улаанбаатар – 51, Республика Монголия
E-mail: otgon@magicnet.mn*

КАМЕННЫЕ ИЗВАЯНИЯ ШИВЕТ-УЛАНА (ЦЕНТРАЛЬНАЯ МОНГОЛИЯ)

Введение

В последние годы внимание ученых все больше привлекают археологические и историко-культурные памятники Монголии. Возросший интерес связан с интеграцией научных исследований стран Запада и Востока, результатом которой явились десятки международных экспедиций. В настоящее время на постоянной основе на территории Монголии работают ученые из России, США, Германии, Франции, Бельгии, Турции и Республики Корея. В ряду новейших исследований можно назвать и ревизионные работы, которые в 1997 г. проводили участники совместного монгольско-японского проекта по изучению исторических мест и древних надписей Монголии [Provisional report, 1999, pl. 5, a – i]. Они обследовали, в частности, один из крупнейших поминальных мемориалов древнетюркской знати, известный в научной литературе как Шивет-Уланский комплекс. В данной публикации авторы приводят описание каменных скульптур, уточненные прорисовки фигур, цветные фотографии и точные координаты комплекса, а также дают анализ реалий, показанных на изваяниях, – все это является одним из главных условий для исчерпывающего научного исследования и исторической реконструкции.

Описание комплекса

Древнетюркский мемориал Шивет-Улан находится в 520 км к западу от г. Улан-Батора, на административной границе Баян-Агт сомона Булганского аймака и Хайрхан-сомона Архангайского аймака (рис. 1). Географическое положение памятника на территории Центральной Азии определяется координатами: 48° 47' 54" с.ш. и 102° 00' 45" в.д. и высотой местности 1 340 м над ур. м.

Комплекс сооружен на восточном склоне небольшой возвышенности (рис. 2) у слияния рек Хануй и Хуни. Его внешняя ограда образована насыпным каменным валом, а внутреннее пространство разделено такой же каменной стенкой на две части: в западной расположена высокая и обширная насыпь с “грабительской (?)” воронкой в центре, в восточной – изваяния людей, скульптуры львов, баранов и остатки поминального храма в виде обломков кирпичей и черепицы (рис. 3). На восточной стороне за входным проемом в насыпном валу ранее была установлена песчаниковая плита, на лицевой стороне которой выгравировано около 60 знаков (рис. 4). Балбалы отсутствуют. Нет также постамента в виде изображения черепахи и памятной стелы с надписями, традиционных для отдельных поминальных храмов правящего рода тюрк-тугю*. Все каменные скульптуры на Шивет-Уланском памятнике изготовлены из вулканического базальта темно-серого цвета, который был взят из близко расположенных каменных разломов. Надо полагать, что где-то рядом находилась и мастерская каменотесов, изготовивших в короткий срок около 20 скульптур.

В предыдущих публикациях исследователи называли разное количество каменных фигур, находящихся в Шивет-Улане. Так, Б. Бамбаев писал, что там имеются изображения девяти человек и пяти собак (львов). Ц. Доржсурэн увидел всего шесть человеческих скульптур, количество изображений львов и баранов им не названо. По сведениям С. Харжаубая, на памятнике были фигуры девяти человек, четырех-пяти львов и четырех баранов. В.Е. Войтов насчитал

* Описание, план памятника и изображение стелы с тамгами взяты из работы В.Е. Войтова [1996, с. 30, рис. 10, 42].

также девять каменных изваяний людей, фигуры четырех львов и четырех баранов. В 1997 г., когда один из авторов в очередной раз обследовал Шивет-Уланский комплекс, на нем находились скульптурные изображения восьми людей, пяти баранов и двух львов. Все скульптуры оказались смещенными со своих первоначальных мест и размещались беспорядочно. Одно обломанное изваяние человека, две скульптуры львов и одна фигура барана были вывезены в разные населенные пункты Архангайского и Булганского аймаков.

В отличие от других многофигурных поминальных комплексов Монголии на Шивет-Уланском памятнике в каменных изваяниях запечатлены люди в полный рост. Среди них можно различить восемь мужских и одну женскую фигуры. Головы у всех отбиты и утрачены, возможно, уже в последние 100 лет. На фотографиях, снятых в 1912 г. Г.И. Рамstedом, видны две неповрежденные фигуры. Однако, несмотря на то, что некоторые изображения дошли до нас только во фрагментарном виде, считаем необходимым привести описание всех сохранившихся каменных фигур людей, львов и баранов. Одни фигуры представлены в статье фотографиями (рис. 5 – 9), другие в виде графических прорисовок (рис. 10, 11).

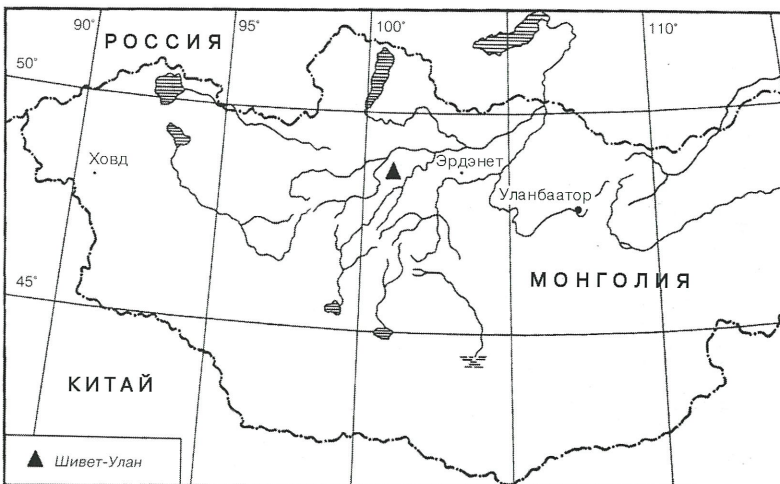

Рис. 1. Карта-схема Монголии с местом расположения древнетюркского мемориала Шивет-Улан.

Рис. 2. Общий вид на мемориал Шивет-Улан.

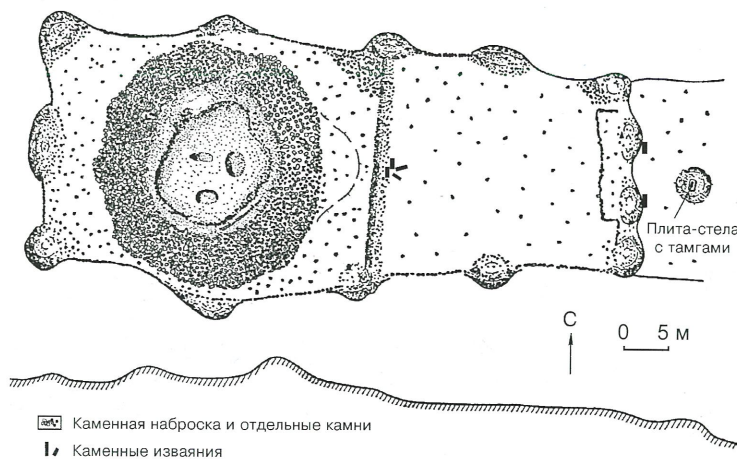

Рис. 3. План памятника Шивет-Улан.

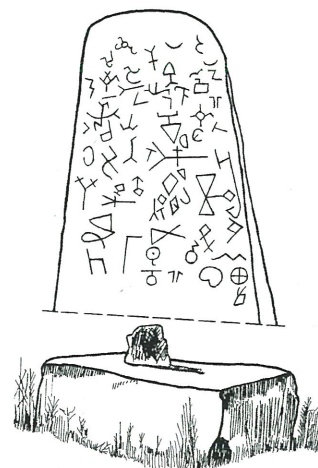

Рис. 4. Памятная плита-стела с тамгами. Шивет-Улан.

Рис. 5. Изваяние 1. Вид анфас. Шивет-Улан.

Рис. 6. Изваяние 1. Вид сзади. Шивет-Улан.

Рис. 7. Первая фигура барана. Шивет-Улан.

Рис. 8. Третья фигура барана (овцы?) с барельефным изображением ягненка. Шивет-Улан.

Рис. 9. Первая фигура льва. Шивет-Улан.

Изваяние 1 (см. рис. 10, 1). Человек показан со сложенными на груди руками. При этом кисти рук как бы спрятаны внутри длинных рукавов одежды. Верхняя длиннополая одежда с отворотами треугольной формы расстегнута на груди. Под вырезом распашной одежды, возможно, обозначен край глухого воротника рубахи. Левая пола халата изображена поверх правой. Пояс спереди гладкий, а сзади параллельными линиями разделен на три полосы, там же прослеживается рельефный наконечник поясного ремня. На спине имеется длинная вертикальная линия, по-видимому, обозначающая главный соединительный шов одежды. На левом боку изображена круглая сумочка – *каптаргак*. Размеры фигуры $118 \times 47 \times 25$ см.

Изваяние 2 (см. рис. 10, 2). В левой руке на уровне груди человека изображен длинный и узкий предмет, напоминающий посох или жезл. Правая рука опущена вниз, кисть покоится на эфесе сабли. Длиннополая одежда с широкими двусторонними отворотами треугольной формы расстегнута на груди. Запах одежды не определяется. Пояс обозначен выбитой полосой, на которой нанесена продольная неглубокая линия. На левом боку человека показан круглый *каптаргак* с подвешенным длинным и узким предметом (мусат – точильный брусок или подвесной ремешок(?)). На правом боку изображен длинный меч(?) с отогнутой под небольшим углом рукоятью. Он, очевидно, показан в ножнах, прикрепленных к поясу с помощью длинного портупейного ремня. Размеры фигуры $107 \times 40 \times 22$ см.

Изваяние 3 (см. рис. 10, 3). Человек двумя руками на уровне груди держит округлой формы сосуд, из-под которого свешивается небольшой платок. Он в длиннополой одежде с левосторонним запахом и отвернутыми наружу округлыми лацканами. Под вырезом просматривается воротник рубашки. Пояс отсутствует. В левой части полы одежды (халата) в области живота изображен ромбовидный предмет, напоминающий пряжку или, что более вероятно, при-

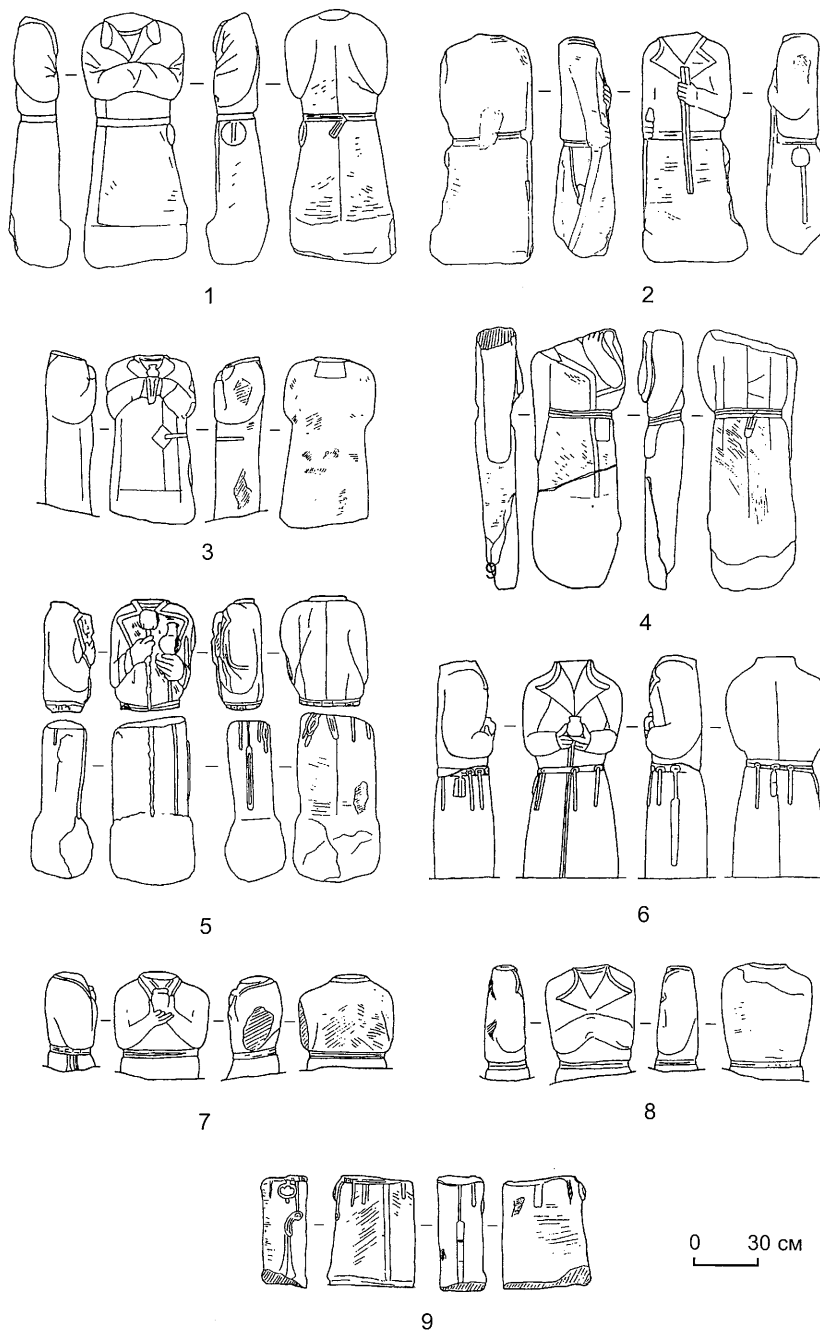

Рис. 10. Каменные изваяния людей. Шивет-Улан.

шитый лоскут ткани, от которого на левый бок фигуры отходит завязка(?) халата, показанная неглубокой и короткой бороздой. На спине на уровне плеч хорошо различима рельефная фигура трапециевидной формы, видимо, изображающая нижний край прически или наатыльник головного убора. Размеры фигуры $80 \times 42 \times 22$ см.

Изваяние 4 (см. рис. 10, 4). Верхняя часть вместе с головой отбита и утрачена. Правая рука опущена вниз, левый пустой рукав засунут за пояс, при этом левая оголенная рука согнута в локте, а кисть руки

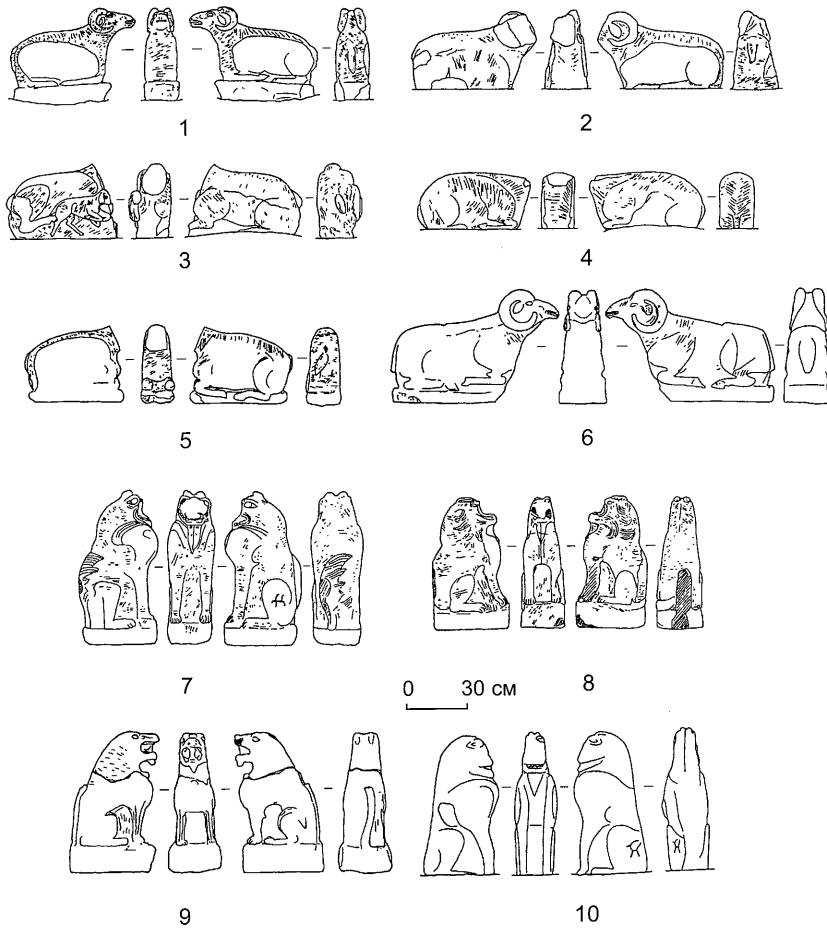

Рис. 11. Каменные фигуры баранов (1 – 6) и львов (7 – 10). Шивет-Улан.

находится на уровне плеча. Одежда имеет левосторонний запах, край верхней полы окаймлен широкой полосой. К поясу, разделенному на три части двумя продольными линиями, на левом боку подвешена небольшая сумочка прямоугольной формы. На спине различимы одна длинная и две короткие вертикальные линии, а также свисающий наконечник ремня, как бы заправленный под пояс. Размеры фигуры $121 \times 45 \times 20$ см.

Изваяние 5 (см. рис. 10, 5). Представляет собой два крупных обломка фигуры, разбитой точно по линии пояса. В левой руке на уровне груди изображен сосуд с округлым туловом, высоким горлом и отогнутым венчиком. Кисть правой руки, согнутой под острым углом, сжимает верхнюю часть длинного “посоха” с массивным навершием округлой формы. Длиннополая одежда с большими треугольными отворотами и узкой каймой на краях расстегнута на груди. В левой части лица фигуры выбита вертикальная линия, обозначающая, наверное, край левой полы одежды. Запах одежды левосторонний. Пояс набран квадратными бляшками и имеет несколько подвесных декоративных ремешков. На одном из них подвешен мусат(?),

рельефное изображение которого имеется на левом боку фигуры. На спине точно посередине вырезана длинная вертикальная линия, а в области пояса различим рельефный наконечник ремня. Верхняя часть изваяния в настоящее время экспонируется в здании культурного центра Хайрхан сомона Архангайского аймака, а нижняя половина находится в пределах комплекса. Размеры фигуры $123 \times 40 \times 23$ см.

Изваяние 6 (см. рис. 10, 6). В руках человека на уровне живота показан небольшой сосуд с округлым туловом и прямым горлом. Одежда с широкими двусторонними отворотами треугольной формы и узкой каймой в верхней части воротника. Пояс набран бляшками округлой формы и украшен подвесными ремешками. На правом боку обозначена сумочка прямоугольной формы, на левом – подвешенный длинный и узкий точильный брусок. На спине вырезана длинная вертикальная линия. Изваяние установлено у входа в краеведческий музей г. Эрдэнэт. Размеры фигуры $100 \times 47 \times 23$ см.

Изваяние 7 (см. рис. 10, 7). Человек на уровне груди обеими руками держит сосуд, напоминающий своими пропорциями керамический горшок с широким горлом и коротким венчиком. Ворот одежды окаймлен широкой полосой-лентой. На лицевой стороне пояса нанесены продольные и параллельные линии, а на правом боку можно различить несколько бляшек подчетыреугольной формы с подвесными ремешками. Поза человека не совсем ясна, т.к. нижняя часть фигуры скрыта под землей. Изваяние находится у южного подножия поминального комплекса в заполнении насыпного вала. Размеры фигуры $50 \times 44 \times 25$ см.

Изваяние 8 (см. рис. 10, 8). Человек со сложенными и прижатыми к груди руками. Кисти не проработаны. Создается впечатление, что они скрыты или, точнее, вложены в длинные рукава одежды. Халат(?) с глубоким вырезом и широкими треугольными отворотами. Посередине пояса выбита горизонтальная линия. Поза человека неизвестна, поскольку нижняя часть фигуры находится под землей. Данное изваяние расположено рядом с изваянием 7. Размеры фигуры $52 \times 41 \times 19$ см.

Изваяние 9 (рис. 10, 9). Представляет собой обломанную нижнюю часть каменного изображения человека. Запах одежды, очевидно, левосторонний, судя по выбитой в левой части фигуры вертикальной линии, обозначающей край полы халата с широкой каймой. Пояс с горизонтально выбитой линией по середине набран бляшками квадратной формы и украшен декоративными ремешками. На правом боку хорошо различимы округлая орнаментированная сумочка-огниво(?) и предмет неизвестного назначения (возможно, платок, завязанный узлом), подвешенный на ремешке. На левом боку рельефно изображен точильный брусок, также подвешенный на ремешке. На спине в области пояса показан наконечник ремня. Размеры фигуры $50 \times 41 \times 21$ см.

Первая фигура барана (см. рис. 11, 1). Лежащее с подогнутыми под брюхо ногами животное. Показаны закрученные в кольцо рога, рельефные уши. Хвост тонкий и длинный. Изображение стоит на невысокой подставке. Размеры фигуры $77 \times 60 \times 20$ см.

Вторая фигура барана (см. рис. 11, 2). Идентична по манере исполнения первой фигуре. Морда животного и часть головы сколоты. Закрученный рог и рельефное ухо сохранились только на левой стороне. Показан также длинный и тонкий хвост. Размеры фигуры $78 \times 50 \times 27$ см.

Третья фигура барана или овцы (см. рис. 11, 3). Животное показано лежащим на брюхе. Голова отбита и утрачена. Скульптура интересна тем, что на правом боку овцы(?) изображена барельефная фигурка бегущего рядом ягненка. Размеры фигуры овцы $68 \times 49 \times 23$ см, ягненка – $39 \times 30 \times 9$ см.

Четвертая фигура барана или овцы (см. рис. 11, 4). Животное изображено в такой же позе, как и предыдущие. Голова отбита и утрачена. Размеры фигуры $73 \times 37 \times 21$ см.

Пятая фигура барана или овцы (см. рис. 11, 5). Животное показано в таких же манере и позе, как и предыдущие. Голова отбита и утрачена. Изображение подогнутых ног хорошо различается только на левой стороне фигуры. Размеры фигуры $62 \times 48 \times 23$ см.

Шестая фигура барана (см. рис. 11, 6). Животное запечатлено лежащим. Сохранность хорошая. На голове мощные крутоизогнутые рога, между ними рельефные уши. Глаза и рот достаточно четко выделены из монолита головы. Показан длинный и довольно толстый (барельефный) хвост. Изображение выполнено на невысокой подставке. В настоящее время находится в административном центре Хайрхан сомона Архангайского аймака. Размеры фигуры $108 \times 70 \times 29$ см.

Первая фигура льва (см. рис. 11, 7). Животное изображено сидящим на подогнутых задних лапах с открытой пастью. Передние лапы прямые. Небольшая часть морды зверя отбита, глаза большие, выпуклые. Показаны невысокие рельефные уши. Сзади разли-

чим хвост, переданный в виде параллельных извилистых бороздок. Тело льва покрыто мелкими сколами, изображающими, по-видимому, шерсть. На левом бедре вырезана традиционная древнетюркская тамга в виде горного козла. Статуя изготовлена на высокой подставке. Размеры фигуры $97 \times 32 \times 50$ см.

Вторая фигура льва (см. рис. 11, 8). Выполнена в той же манере, что и предыдущая. На голове заметны небольшие повреждения. Грива передана параллельными закругленными бороздками, шерсть обозначена мелкими и частыми сколами. Изображение хвоста повреждено вертикальным сколом. Размеры фигуры $82 \times 42 \times 28$ см.

Третья фигура льва (см. рис. 11, 9). По позе и манере исполнения идентична предыдущим скульптурным изображениям львов. Голова отбита, но хорошо подходит по излому и может быть реставрирована. Глаза небольшие и выпуклые. Передние лапы покрыты параллельными вертикальными бороздками. Хвост заброшен на спину. Фигура изваяна на высокой подставке. В настоящее время находится в административном центре Хайрхан сомона Архангайского аймака. Размеры фигуры $89 \times 50 \times 27$ см.

Четвертая фигура льва (см. рис. 11, 10). Животное изображено в таких же манере и позе, что и предыдущие три. Небольшая часть морды отбита. На ней имеются остатки цементного раствора, появившегося, очевидно, уже в наше время. Глаза большие, выпуклые. На груди вырезана контурная фигура в виде треугольника, обращенного острым углом вниз. На левом бедре выгравирована традиционная древнетюркская тамга в виде схематичной фигурки козла. Лев изваян на подставке, которая скрыта под землей. В настоящее время находится у входа в краеведческий музей г. Эрдэнэт. Размеры фигуры $90 \times 37 \times 29$ см.

Характеристика и хронология комплекса

Шивет-Уланский мемориал был открыт финскими учеными в 1912 г. [Ramstedt et al., 1958]. Позже он обследовался Б. Бамбаевым (в 1927 г.)*, Ц. Доржсурэном (в 1956 г.) [1957], В.В. Волковым, В.В. Свиным и Д. Цэвэндоржем (в 1976 г.) [Войтов, 1986, с. 123], С.Г. Кляшторным [1978, с. 575 – 576] и С. Харжаубасем (в 1977 г.) [1979, с. 15 – 23; 1982, с. 103 – 120]. Наши предшественники описали памятник, сняли его топографический план, опубликовали фотографии и прорисовки некоторых скульптур, а также попытались датировать мемориальный комплекс.

* **Бамбаев Б.** Предварительный краткий отчет Бамбаева Бальджи о работе в этнолого-лингвистическом отряде научной экспедиции АН СССР по исследованию Внешней Монголии и Танну-Тувы, составленный в 1927 году. – Рукописный фонд Ин-та истории АН Монголии. Ф. IX. Т. 7.

Один из первых исследователей памятника Ц. Доржсурэн высказал предположение, что Шивет-Уланский комплекс был сооружен ранее VI в., т.е. в период, когда древнетюркская руническая письменность еще окончательно не сформировалась [1957, с. 48]. По мнению российского тюрколога С.Г. Кляшторного [1978, с. 576] и монгольского ученого С. Харжаубая [1979, с. 29], мемориал возвели в 693 г. в память основателя Второго тюркского каганата Ильтерес-кагана, или Кутлуга. В целом поддерживая эту точку зрения, В.Е. Войтов отметил ряд характерных особенностей памятника и отнес его к категории крупных поминальных мемориалов древнетюркской знати, отличающихся от рядовых поминальных сооружений наличием вала и рва, которые окружали комплекс [1996, с. 30]. Шивет-Уланский комплекс выделен В.Е. Войтовым как отдельный вариант мемориалов древнетюркской знати [Там же, с. 30]. Он обращает на себя внимание необычной планировкой и новыми конструктивными элементами (например, плиты-стелы с тамгами и т.д.), а также своеобразной иконографией каменных изваяний и самым большим количеством скульптур животных в одном комплексе.

Особый интерес вызывают иконографические и стилистические черты скульптурных изображений в Шивет-Уланском комплексе. Например, положение рук может быть разным, но чаще всего люди показаны со сложенными, прижатыми к груди руками: двое без каких-либо атрибутов (изваяния 1, 8), другие двумя руками держат сосуд (изваяния 3, 6, 7). Есть также фигуры людей, у которых в одной руке зажат посох, трость или жезл (изваяния 2, 5), возможно, символизирующие власть, знатное происхождение и богатство. Два аналога этим атрибутам известны в Монголии по наскальным рисункам древнетюркской эпохи – по гравированному изображению тюрка, опирающегося на посох [Потанин, 1881, фиг. 37; Монгол нутаг..., 1999, с. 108 – 109; Кубарев Г.В., 2000, рис. 3, 21], и выбитому изображению всадника с небольшим жезлом или даже булавой, принимающего участие в соколиной охоте [Кубарев В.Д., 2001б, рис. 9, а]. Наверное, эти престижные предметы, показанные на изваяниях, необходимо сравнить с жезлами-палицами и посохами, которые держат в руках персонажи “Свадебного кортежа”, запечатленного в настенных росписях Афрасиаба (Средняя Азия) [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 117 – 121]. Как известно, на фресках, которые датируются VII – VIII вв., изображены в основном знатные тюрки и согдийцы.

Верхняя распашная одежда показана на всех девяти изваяниях в Шивет-Улане, но только на шести она детализирована двусторонними отворотными лацканами треугольной формы, которые являются самой характерной деталью богатого костюма древнетюркской знати [Кубарев Г.В., 2000, с. 81 – 85]. На трех

изваяниях обозначен левосторонний запах, на одном правосторонний. Определить эту важную этнографическую особенность покроя костюма еще на трех статуях оказалось невозможным. Изваяние 4 в Шивет-Улане является любопытным и редким примером того, как скульптор пытался передать в камне известную у кочевников манеру носить одежду, заткнув пустой рукав одежды за пояс. Он показал руку согнутой в локте под острым углом, а кисть на уровне плеча (см. рис. 10, 4). Аналоги такого воспроизведения в камне подобной манеры ношения одежды, весьма популярной у центральноазиатских народов, нам не известны в монументальном искусстве кочевников, хотя его неординарность, возможно, связана с чисто техническими трудностями. Следует отметить, что монголы, тибетцы и другие кочевники азиатских гор и степей до сих пор даже в самую жаркую погоду не снимают шубу или халат и для охлаждения тела освобождают от верхней одежды одну руку и плечо.

На всех мужских изваяниях Шивет-Улана изображены пояса, оформленные, как нам представляется, однообразно и невыразительно. Преобладают пояса с одним или двумя продольными линиями, разделяющими его на несколько узких полос, функция которых не совсем понятна. То же самое можно сказать о наборных, или накладных, поясных бляшках. Многие из них слишком аморфны, а те, которые изображены четко, также не могут служить достаточно надежным источником для датирования (ввиду их широкого распространения во времени и пространстве) и реконструкции поясной гарнитуры. Как свидетельствуют данные исследований материальной и духовной культуры центральноазиатских кочевников, “пояса были неременной принадлежностью костюма древнетюркского воина. Цвет, материал, украшения и характер прикрепленных к ним предметов обычно служили знаками различия военной аристократии, жрецов, чиновников и купечества” [Кубарев В.Д., 1984, с. 36]. Богатые пояса украшались наборами золотых или серебряных бляшек различной формы (рис. 12), нередко со звериными сюжетами и вставками из драгоценных камней [Добжанский, 1990, с. 77 – 78]. Пояс тюркского воина также служил символом “его воинской славы” [Могильников, 1981, с. 41]. Именно поэтому пояс чаще всего показан на изваяниях вооруженных воинов, а на женских фигурах он, как правило, отсутствует (см. рис. 10, 3). Например, в Российском Алтае пояс изображен только на 97 из 286 каменных изваяний тюрков [Кубарев В.Д., 1984, с. 36; 2001а, с. 25]. (Не означает ли это, что какая-то часть алтайских изваяний передает образ женщины?) Такая же закономерность выявлена и при изучении тюрко-монгольских каменных изваяний Монголии, на территории которой сейчас известно более 500 фигур [Байэр, 1994; Баяр, 1997, 2001; Кубарев В.Д.,

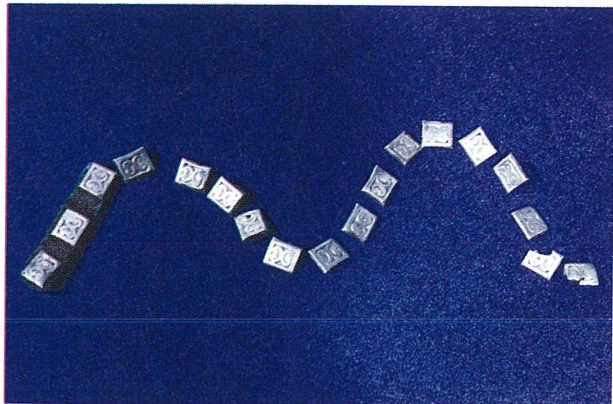

Рис. 12. Серебряные бляшки наборного пояса знатного тюрка. Юстыд XII. Российский Алтай.

Рис. 13. Серебряные сосуды из древнетюркских погребально-поминальных памятников Российского Алтая: левый – Бал'к-Сöök I, правый – Юстыд XII.

Рис. 14. Алтайская сумочка с кресалом (оттук). Из этнографических сборов в Российском Алтае.

Рис. 15. Мужская одежда древних тюрков VII – VIII вв. Реконструкция Г.В. Кубарева и Д.В. Позднякова по археологическим материалам Алтая.

Рис. 16. Одежда алтайского охотника. Долина р. Аргут на Российском Алтае.

Рис. 17. Фигуры фантастических львов, охраняющих вход в дворец Богдо-Гегена. г. Улан-Батор, Монголия.

Цэвээндорж, 1995, 2002; Kubarev V.D., Zevendorz, 1997; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999]. Пережиток обычая, согласно которому женщина не имела права носить пояс, надолго сохранился у кочевников, в т.ч. у монголов. В монгольском языке даже существует специальное определение пола человека: для женщин – *бусгуй* – не имеющая пояса, для мужчин – *бустэй* – с поясом [Вяткина, 1960, с. 191; Баяр, 2001, с. 23]. В древности у различных монгольских народов пояс также имел особое значение. «Так, например, в “Сокровенном сказании” отмечается, что когда меркиты напали на стойбище Темучина с целью убить его, то он скрылся на горе Бурхан-Халдун. После того как опасность миновала, Темучин, распустив пояс и сняв шапку в знак благодарности Бурхан-Халдуну за спасение, сделал жертвоприношение» [Вяткина, 1960, с. 191].

В Шивет-Улане есть также изваяние женщины (см. рис. 10, 3), весьма напоминающее скульптуру женщины, найденную на мемориале Кюль-тегина. Сходство двух изображений заключается в том, что обе женщины одеты в одинаковые по крою длиннополые халаты с левосторонним запахом. Их одежда не имеет пояса, а край полы закреплен специальной завязкой в виде узкой полоски ткани или ремешка. Дополняет одежду женщин платок, прижатый двумя руками к груди. Причем у шивет-уланского изваяния поверх платка изображен небольшой сосуд. Такая детализация одного из элементов цикла поминального ритуала древних тюрок вызывает ассоциации с традиционным обычаем монголов подносить напитки (кумыс, *арака* – молочная водка и др.) особо почетным гостям в дорогой чаше, поддерживая ее двумя руками. Под такие чаши нередко подкладывался *хадак* (шелковый или матерчатый пояс), концы которого свисали с рук подающего. Вообще подобная иконография (сосуд в обеих руках) изваяний не только “в точности соответствует позе китайского этикета” [Ермоленко, 2002, с. 190], но и, как мы знаем, широко распространена в разных регионах Евразии, на совершенно разных (в этническом отношении) и разновременных скульптурных изображениях кочевников. Л.Н. Ермоленко, анализируя многочисленные разнокультурные па-

мятники и примеры изображения людей в такой позе на Древнем Востоке, пришла к выводу, что в Центральной и Средней Азии изваяния людей с сосудом в обеих руках характерны для уйгурской*, кыпчакской и половецкой традиций, они нередко встречаются и в древнетюркской скульптуре [2002, с. 191]. Подтверждением этому служат и три изваяния людей с сосудами в обеих руках в комплексе Шивет-Улан (см. рис. 10, 3, 6, 7). Дополнительным аргументом в пользу вывода о принадлежности уникального мемориала к древнетюркской эпохе (VII – VIII вв.) могут служить сосуды, изображенные на каменных фигурах. Серебряные “кружки” подобной формы с орхоно-енисейскими надписями и древнетюркскими тамгами (рис. 13), например, очень часто находят в древнетюркских погребениях на Алтае [Киселев, 1951, табл. ЛП, 4 – 7; Кубарев В.Д., 1987, с. 251; Савинов, 1994, рис. 109; Кубарев Г.В., 1995, рис. 5, 2]. Особое значение для датирования монгольских изваяний имеют два серебряных сосуда (аналогичные по всем параметрам шивет-уланским), обнаруженные у древнетюркских поминальных оградок на р. Юстыд в Восточном Алтае [Кубарев В.Д., 1984, с. 57]. Недавно стало известно, что в поминальном мемориале Бильгэ-кагана в Монголии также были найдены миниатюрные золотые чаша и сосуд, не местные по происхождению. Присутствие дорогой металлической посуды в мемориалах знати, как и керамической посуды в поминальных оградках рядовых кочевников, указывает на то, что обычай почитания-поминовения предков был очень развит в древнетюркском обществе с его родоплеменным делением.

Традиционным и обязательным предметом на мужских поясах древних тюрок были сумочки для хранения огня. На пяти изваяниях в Шивет-Улане изображены разнообразные по форме сумочки (см. рис. 10, 1, 2, 4, 6, 9). На трех они показаны подвешенными к поясу с левой, на двух – с правой стороны. Такие сумочки, называемые *каптаргаками*, отмечал у кыпчаков Гильом Рубрук. Это название сохранилось в алтайском языке для обозначения охотничьих кожаных сумок полукруглой формы. На Алтае и в Туве

* Выделение Л.Р. Кызласовым среди древнетюркских изваяний небольшой группы уйгурских мужских фигур [1979, с. 80 – 82] представляется нам аргументированным и убедительным. Целый ряд стилистических и этнографических признаков, получивших отражение в своеобразных головных уборах (отличающихся формой от древнетюркских), почти полное отсутствие оружия на фигурах, однотипность узкогорлых кувшинов, показанных в обеих руках, необыкновенная монументальность массивных изваяний и их малочисленность позволяют датировать скульптуры VIII – X вв. Достаточно один раз увидеть их, так сказать, “вживую”, чтобы убедиться в правоте

нашего вывода. Но различия ощущаются даже в схематичных прорисовках данных изваяний (см.: [Там же, рис. 26, 27; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 1995, рис. 3, 7; 4, 11, 12; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999, изваяния 16, 42 – 44, 46]). Что касается горноалтайских изваяний, выделенных в тип 3 (с сосудом в обеих руках), то только две массивные одиночные фигуры [Кубарев В.Д., 1984, изваяния 41, 255] с полным основанием можно отнести ко времени Уйгурского каганата (VIII – IX вв.). Два других изваяния [Там же, изваяния 181, 248], наверное, были выполнены в этот же период и установлены тюрками-тугю с восточной стороны поминальных оградок.

при исследовании древнетюркских погребений VII – IX вв. найдено несколько подобных кожаных сумочек, имеющих с наружной стороны фигурную металлическую накладку – кресало. Оно использовалось народами Саяно-Алтая до этнографического времени. Алтайцы и тувинцы называли это приспособление для добывания огня *оттук* (рис. 14).

Суммируя все немногочисленные данные, которые удалось получить в результате анализа стилистических особенностей и реконструкции одежды, представленной на шивет-уланских каменных изваяниях, мы склонны датировать мемориальный комплекс VII – первой половиной VIII в. Возможно, в древнетюркскую эпоху уже были синтезированные формы одежды, сложившиеся на базе как согдийского, так и тюркского костюма (рис. 15). В известной мере эта нивелировка этнических особенностей костюма повлияла на покрой одежды кочевников и в последующие времена. Одежда, показанная на изваяниях в Шивет-Уланском комплексе, которую исследователи называют кафтанами или халатами, запечатлена не только на многих древнетюркских изваяниях, но и на более поздних монгольских и половецких скульптурах. Одежда средневекового кочевника осталась практически неизменной до нашего времени и мало отличается от традиционной одежды современных кочевых народов Центральной Азии (рис. 16).

Обычно на крупных многофигурных поминальных комплексах древнетюркской знати каменные изваяния людей изображены в трех каноничных позах. Так, главный герой, в память о котором сооружался мемориал, как правило, запечатлен сидящим со скрещенными ногами. Вельмож и полководцев чаще всего изображали в полный рост, а придворных, слуг и иноплеменников коленапоклоненными. Характерная поза каждой фигуры, очевидно, отражала степень знатности, социальный статус в обществе и “должность” изображаемой персоны. Но в Шивет-Уланском комплексе все люди показаны в полный рост, стоящими, поэтому среди них невозможно выделить ту конкретную особу, в память о которой и был воздвигнут грандиозный мемориал. В этом отношении Шивет-Уланский комплекс напоминает более ранний Унгетский памятник, на котором также среди более чем 30 изваяний нет ни одной фигуры сидящего человека.

Наряду с изваяниями людей, как говорилось выше, в комплексе присутствуют и скульптурные изображения баранов и львов. На территории Монголии аллеи с изваяниями людей и животных встречаются на мемориалах, сооруженных в честь самых именитых правителей – Бильге-кагана, Кюль-тегина, Тоньюкука, а также в память о других, не известных нам представителях древнетюркской элиты на Онгинском,

Унгетском и Их-Хушотском памятниках. В Шивет-Уланском поминальном комплексе зафиксировано наибольшее количество скульптурных фигур животных, что отличает памятник от других древнетюркских мемориалов Монголии. Среди этих изображений привлекает внимание оригинальное изваяние овцы(?) с барельефным изображением ягненка (см. рис. 11, 3). Подобный сюжет до сих пор не был известен на других мемориальных памятниках древних тюрков. На двух фигурах львов изображены тамги в виде горного козла (см. рис. 11, 7, 10), которые широко распространены на самых разных памятниках эпохи Второго тюркского каганата.

За пределами Монголии только в Туве и Хакасии были зафиксированы поминальные комплексы, включавшие одновременно установленные скульптуры людей, баранов и львов. По мнению Л.А. Евтюховой, эти редкие памятники оказались там в результате проникновения “знатных орхонских тюрков на север” [1952, с. 118]. Данное предположение подтвердил Л.Р. Кызласов, раскопав в 1955 г. поминальное сооружение знатного тюрка у пос. Сарыг-Булун [1979, с. 129 – 131]. Шесть каменных изваяний, известных на среднем Енисее, А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков [1999, с. 8 – 13] также связывают с пребыванием тюрков в Минусинской котловине. Однако существует и иной взгляд на появление в Хакасии т.н. древнетюркских изваяний и каменных скульптур животных. Еще полвека назад Л.А. Евтюхова пришла к заключению, что в Минусинской котловине почти нет изваяний древних тюрков. Собственно тюркскими она считала только два изваяния – из Чебаков и Саралы в Хакасии [1952, с. 120]. “Иноземное” происхождение единичных минусинских изваяний допускал С.В. Киселев [1951, с. 631]. К более категоричному выводу пришли новосибирские археологи О.А. Митько и Ю.В. Тетерин. По их мнению, большинство изваяний было найдено вне связи с поминальными оградками. “Четыре из них известны по очень плохим рисункам, – отмечают О.А. Митько и Ю.В. Тетерин, – а пятое схематично и повреждено... Принадлежность их древним тюркам вызывает сомнение. Возможно, они являются произведениями кыргызских мастеров, подражавших работам древнетюркских скульпторов. Единственное поминальное сооружение и изваяние у с. Знаменка... скорее являются исключением, подчеркивающим общее правило – поминальные оградки и каменные изваяния для бассейна среднего Енисея нехарактерны” [1998, с. 397]. Также малочисленны в Южной Сибири каменные фигуры львов и баранов. Только одна скульптура барана экспонируется в краеведческом музее Барнаула. История ее происхождения весьма запутанна и подробно освещена в статье А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова, которые пришли к заклю-

чению, что “эту скульптуру могли привезти не с Енисея, а с Горного Алтая”* [2000, с. 139]. По стилистическим особенностям скульптура барана из Барнаульского музея, как считают авторы, имеет наибольшее сходство с подобными скульптурными изображениями баранов, установленными на поминальных мемориалах древнетюркской знати в Шивет-Улане и Абаканской степи в Хакасии [Там же, с. 139]. Скульптуры баранов и львов найдены также в погребальном комплексе у городища Оймак в Туве [Alt-Altische Kunstdenkmäler, 1931, Abb. 335, 338, 339], но они значительно меньше по размерам и датируются монгольским временем [Кызласов, 1979, с. 151]. В.Е. Войтов полагает, что “статуи львов и баранов устанавливались только на мемориалах высшей сановной аристократии эпохи Второго тюркского каганата” и причисляет к ним также более 20 изваяний этих животных, найденных случайно как в самой Монголии, так и за ее пределами [1996, с. 97]. Подобных взглядов придерживаются и другие ученые [Борисенко, Худяков, 1999, с. 13 – 14; 2000, с. 138 – 139]. Но, как известно, традиция изготовления парных каменных фигур львов и других животных была заимствована тюрками у китайцев [Киселев, 1951, с. 509; Novgorodova, 1980, S. 240] и позднее получила воплощение в культовой архитектуре многих ламаистских храмов, где, например львам, были отведены охранные функции [Novgorodova, 1980, Abb. 23, 24; Монгол нутаг..., 1999, с. 261 – 262]. Они также “сторожили” вход в дацаны и дворцы (рис. 17), как и более тысячи лет назад две пары каменных львов охраняли вход в поминальный храм Шивет-Улан. Таким образом, можно предположить, что каменные скульптуры животных в Монголии продолжали изготавливать и после падения Тюркских каганатов, до позднего средневековья**.

Заключение

Шивет-Уланский поминальный комплекс с ансамблем каменных изваяний является одним из редчайших памятников культуры кочевых народов; чудом сохранившихся до наших дней. В хронологическом отно-

* Обосновывая свое предположение, авторы ссылаются на работу В.Д. Кубарева, ошибочно считая, что на Алтае в поминальных комплексах древнетюркской знати присутствуют скульптурные изображения “львов и баранов в аналогичной, лежащей позе” [Борисенко, Худяков, 2000, с. 138]. В известных на сегодняшний день 15 алтайских мемориалах древнетюркской знати нет ни одной фигуры животных (см.: [Кубарев В.Д., 1984, с. 51 – 55; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2002, с. 84 – 85]).

** Наследием древней традиции можно считать фигуры львов, фланкирующих вход во многие государственные учреждения г. Улан-Батора.

шении этот уникальный мемориал, судя по анализу реалий на изваяниях и приведенных им аналогов, возможно, генетически связанный с более древними поминальными сооружениями (типа Унгету), входит в круг идентичных культово-поминальных памятников древнетюркской знати, датируемых первой половиной VIII в.

В результате многолетних археологических исследований было установлено, что монгольские мемориальные памятники не были местом захоронения древнетюркской правящей элиты. Они представляют собой остатки поминальных храмов, сооруженных в память о подвигах каганов и их полководцев, о неувядаемой славе голубых тюрков. Погребения древнетюркских каганов до сих пор не найдены, как, впрочем, и могилы других крупных властителей Центральной Азии. Известно, что захоронение Чингисхана в Монголии уже в наше время пытались найти многие супероснащенные экспедиции, но все усилия оказались тщетными. Вместе с тем обряд поминовения и жертвоприношения в память о Темучжине (Чингисхане), мечтавшем покорить весь мир, продолжает совершаться на посвященном ему культовом памятнике, возведенном почти 800 л.н. [Баяр, 2001, с. 32]. Учитывая сенсационные результаты последних работ монгольско-турецкой экспедиции на мемориале Бильгэ-кагана в долине р. Орхон, дальнейшие исследования древнетюркских поминальных памятников очень перспективны.

Список литературы

- Байэр Д.** Монгол Сокинсань ёнку [Изучение каменных изваяний монголов]. – Сеул: Хеан, 1994. – 234 с. (на кор. яз.).
- Баяр Д.** Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу [Древнетюркские изваяния Центральной Монголии]. – Улаанбаатар: АДМОН, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).
- Баяр Д.** Каменные изваяния на территории Монголии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Улаанбаатар: Ин-т истории АН МНР, 2001. – 36 с.
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.** Монгол Алтайн хун чулуун хошоо [Каменные изваяния Монгольского Алтая]. – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Тухийн Хурээлэн, 1999. – 166 с. (на монг. яз.).
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине // Памятники культуры древних тюрков в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – С. 4 – 14.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Каменная скульптура барана из Барнаульского музея // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 134 – 142.
- Войтов В.Е.** Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // Mongolica: Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884 – 1931. – М.: Наука, 1986. – С. 118 – 136.

- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в кульгово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М.: Гос. музей Востока, 1996. – 152 с.
- Вяткина К.В.** Монголы Монгольской Народной Республики // Восточно-Азиатский этнографический сборник. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 159 – 271.
- Добжанский В.Н.** Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1990. – 162 с.
- Доржсүрэн Ц.** Шивээт улаан гэдэг юу вэ? // Шинжлэх ухаан техник. – 1957. – № 1. – С. 46 – 48 (на монг. яз.).
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – М.: АН СССР. – 1952. – Т. 1, № 24. – С. 72 – 120.
- Ермоленко Л.Н.** Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. трудов, посвященных 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 48 – 53.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 638 с.
- Кляшторный С.Г.** Эпиграфические работы в Монголии // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 575 – 576.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Открытия в долине р. Урсул // АО 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 250 – 251.
- Кубарев В.Д.** Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. – С. 24 – 54.
- Кубарев В.Д.** Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001б. – № 4. – С. 95 – 107.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаб. археологии Горно-Алт. гос. пед. ун-та. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 149 – 163.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76 – 95.
- Кубарев Г.В.** Новый серебряный сосуд из Талдуайра // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – № 1. – С. 164 – 182.
- Кубарев Г.В.** Халат древних тюрок Центральной Азии по изобразительным материалам // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 81 – 88.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 207 с.
- Митько О.А., Тетерин Ю.В.** О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 396 – 404.
- Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29 – 43. – (Сер. “Археология СССР”).
- Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал:** Сэдэвчилсэн лавлах [Историко-культурные памятники Монголии: Энциклопедический справочник]. – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с. (на монг. яз.).
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии: (Результаты путешествия, исполненного в 1876 – 1877 годах по поручению Императорского Русского Географического общества). – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И.** Очерки искусства Средней Азии. – М.: Искусство, 1982. – 270 с.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркское время // Древние культуры Бертековской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 146 – 152.
- Харжаубай С.** Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан // Туухийн судлал. – Улаанбаатар, 1979. – Т. 14, Ф. 2. – С. 15 – 23 (на монг. яз.).
- Харжаубай С.** Шивээт Улааны цогцолбор дурсгалан тухай дахин егуулэх нь // Археологийн судлал. – Улаанбаатар, 1982. – Т. 10, Ф. 7. – С. 103 – 120 (на монг. яз.).
- Alt-Altäische Kunstdenkmäler** (Briefe und Bildmaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887 – 1889) / Herausgeber H. Appeltgren-Kivalo. – Helsingfors: S.n., 1931. – 47 S.
- Kubarev V.D., Zevendorz D.** Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia antiqua. – Berlin: Verlag Philipp von Zabern; Mainz/Rhein, 1997. – Bd 2. – P. 571 – 580.
- Novgorodova E.** Alte Kunst der Mongolei. – Leipzig: Verlag E.A. Seeman, 1980. – 280 p.
- Provisional report** of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998 / Eds. Takao Moriyasu, Ayudai Ochir // The Society of Central Eurasian Studies. – 1999. – P. 1 – 22.
- Ramstedt G.J., Granö J.G, Aalto P.** Materialien zu den altturkischen inschriften der Mongolei. – JSFO. – 1958. – N 60. – S. 62 – 76.

Материал поступил в редколлегию 11.04.02 г.

УДК 903.27:73/75

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный государственный университет
ул. Алеутская, 56, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: hist@deans.dvgu.ru

ВОРОН, ХОЗЯЙКА МОРЯ И ДРУГИЕ ПЕРСОНАЖИ МИФОВ В БОЙСМАНСКОМ ИСКУССТВЕ

Источники

Читатели уже встречали на страницах журнала материалы по искусству бойсманской неолитической культуры [Бродянский, 2001а], тогда была высказана надежда на реконструкцию мифов, отраженных в этом искусстве [Там же, с. 65]. Продолжающиеся раскопки памятника Бойсмана II экспедицией Дальневосточного университета под руководством А.Н. Попова в 2000 – 2001 гг. принесли новые находки, впервые позволившие выделить персонажи и отдельные сюжеты мифов. Прочтение ископаемого искусства всегда требует построения своеобразной билингвы – двуязычного текста, где язык одной из его частей известен (из числовой символики, записей мифов, сказаний, песен) либо поддается астроархеологическому анализу, сопоставим с уже дешифрованными археологическими источниками, прочитывается из сравнения с источниками этнографическими.

Бойсмана II, нижний слой памятника – сезонный промысловый лагерь на берегу древней лагуны, его обитатели 6 500 – 5 000 л.н. ловили рыбу, охотились на наземных и морских животных [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997], выращивали и добывали устриц [Бродянский, Раков, 1996]. Время от времени они здесь же хоронили своих близких, и эти люди, как установили Т.А. Чикишева и Е.Г. Шпакова, – арктические монголоиды, сопоставимые с оленными чукчами [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997, с. 79]. Деформация черепов, морская ориентация экономики: морская охота, гарпуны, модели лодок – комплекс культурных признаков, хорошо согласующихся с антропологической характеристикой очевидных предков северян, обитавших в раннем неолите на берегах залива Петра Великого. Из данной фактологической базы неизбежно следует обращение к мифологии,

фольклору, обрядам северян при дешифровке бойсманского искусства. Однако это не исключает историко-этнографический поиск в мифологиях Китая, Кореи, Японии, приамурских народов.

Настоящим прорывом в распознавании образов бойсманского искусства стало обнаружение двухстороннего петроглифа на треугольной плитке плотного серого пермского песчаника (рис. 1, 2). Плитка размерами 142 × 120 × 50 мм оформлена сколами по краям, на каждой из двух плоскостей выскоблены по два круглых углубления в форме чаш-конусов, одна из плоскостей (рис. 2, 2) разделена естественным извилистым уступом высотой 4 – 5 мм. При первой публикации [Бродянский, 2001б, с. 56 – 57] эти треугольные личины не были опознаны, но позже Н.А. Кузнецова, поработавшая с коллекцией из могильника на о-ве Ратманова в Беринговом проливе, подсказала мне, что одна из них (рис. 1, 1; 2, 1) – Ворон, центральный персонаж берингийской мифологии [Мелетинский, 1979]. Действительно, треугольная личина с большими круглыми глазами, округлым лбом и мощным острым клювом сопоставима с изображением Ворона в деревянной скульптуре с о-ва Ратманова и такими же изображениями на древке и лучке сверла из Эквенского могильника на Чукотке [Арутюнов, Сергеев, 1975, рис. 52, 4; 53, 2].

На противоположной плоскости (рис. 2, 2) – расчлененная голова волка, при вращении этой плоскости можно увидеть в разных ракурсах головы оленя и медведя.

Голова Ворона включена в видеоряд полиэйконической фигурки-подвески из кабаньего клыка, найденной на погребальной площадке исключительного по насыщенности произведениями искусства вторичного погребения № 7 второго бойсманского могильника. Размеры подвески 50 × 30 × 4 мм, диаметр от-